связи с чем, предпринимаются попытки (не совсем удачные) «встроить» данный институт в институты освобождения от уголовной ответственности, освобождения от уголовного наказания и т.д., без учета специфики проанализированного нами института. Сказанное, несомненно, актуализирует данную тему и определяет необходимость ее дальнейшего углубленного изучения, в целях поиска наиболее оптимальной и эффективной модели законодательного описания, как основания применения, так и модели самого института ПМВ.

Библиографический список

1. Уголовное право. Общая часть: учеб.пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2016. – 600 с.
2. Курс уголовного права. Общая часть. Том 2: Учение о наказании. Учебник для вузов. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: ИКД Зерцало-М, 2002. – 464 с.
3. Благов, Е.В. Основание освобождения от уголовной ответственности / Актуальные проблемы российского права. – 2018.– № 7(92). – С. 161-168.
4. Дифференциация ответственности в уголовном праве / А.В. Васильевский, Л.Л. Кругликов. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с.
5. Наказание в уголовном праве: учеб.пособие для студентов образовательных организаций, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», квалиф. (степень) «бакалавр» / Ф. Р. Сундунов, М. В. Талан. – М.: Статут, 2015. – 256 с.
6. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании и иных мерах уголовной ответственности / Г.А. Василевич [и др.]; под науч. ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. – Минск: Изд. центр БГУ, 2019. – 990 с.

ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИСТИКИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А.В. Ткачев

*доцент кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук, доцент*

Одним из актуальных направлений, связанных с правовым регулированием процессов построения «цифрового общества», является создание юридической базы использования информационных систем, основанных на искусственном интеллекте. В настоящее время отечественное право находится на начальном этапе создания такой базы.

Приняты первые нормативные акты, в которых сформулирован понятийный аппарат и решены некоторые другие общие вопросы необходимые

для создания нового направления правового регулирования. Так, в п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. сформулировано понятие искусственного интеллекта как комплекса технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [1]. Данное определение практически текстуально воспроизведено, за исключением расшифровки понятия информационно-коммуникационной инфраструктуры (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации) в ФЗ РФ № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [2].

С принятием указанных правовых документов, несмотря на использование в них оценочных, трудно определимых понятий, появились нормативные критерии, дающие возможность разграничить в правовом плане системы, использующие технологии искусственного интеллекта, от других автоматизированных систем. Таковыми критериями являются:

- присущие системам искусственного интеллекта технологические решения, позволяющие имитировать когнитивные функции человека;

- результаты их деятельности, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

В то же время многие вопросы правосубъектности искусственного интеллекта на законодательном уровне не решены, в частности не урегулированы вопросы ответственности за причинение вреда в процессе использования соответствующих технологий. Российское законодательство несколько запаздывает по сравнению с рядом зарубежных юрисдикций, в котором попытки регулирования в указанной области уже предприняты. Например, Парламентская ассамблея Совета Европы приняла Рекомендации № 2102 от 28.04.2017 года по технической конвергенции, искусственному интеллекту и правам человека [3] и Европейскую этическую хартию по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении [4].

Между тем судебные и правоприменительные органы сталкиваются с необходимостью разрешать споры, в которых приходится решать вопросы об отнесении той или иной системы к технологии искусственного интеллекта и

выяснять роль функций, выполняемых искусственным интеллектом, в причинении вреда или нарушении иных прав субъектов соответствующих правоотношений [5]. Большое значение приобретает проблема установления факта наступления вредных последствий в результате самостоятельной реализации искусственным интеллектом когнитивных функций человека.

В криминалистической литературе вопросы использования искусственного интеллекта рассматриваются главным образом с точки зрения его использования для оптимизации деятельности по расследованию преступлений [6; 7; 8]. В тоже время изучение особенностей следовой картины, возникающей при совершении преступлений с помощью искусственного интеллекта, и разработка на этой основе положений по расследованию соответствующих правонарушений, в том числе выяснения обстоятельств связанных с установлением ответственности, пока не привлекает внимание криминалистов. Представляется необходимым начинать работу в данном направлении.

Видимо можно полагать, что все следы, возникающие в процессе совершения преступлений с использованием технологий искусственного интеллекта можно разделить на следующие группы. Во-первых, идеальные следы в сознании участников преступного события свидетелей, потерпевших, подозреваемых (обвиняемых). Во-вторых, материальные следы, связанные с проявлением преступных действий (бездействий) в виде физического взаимодействия различных объектов. В-третьих, материальные следы в виртуальном пространстве. Указанные виды следов характерны для большинства преступлений, совершаемых с применением цифровых технологий. Однако особенность искусственного интеллекта, связанная с возможностью его самообучения и решения задач, не поставленных его разработчиками в явном виде, ведет к появлению специфических особенностей формирования следовой картины и действий по ее выявлению.

В ходе расследования, с целью установления пределов и оснований ответственности, возникает необходимость в выявлении причинно-следственной связи с наступлением вредных последствий в результате действия (бездействия) искусственного интеллекта функциями и разграничении тех из них, которые были прямо предусмотрены его программным обеспечением и/или обусловлены ошибками допущенными при создании таких программ, от тех, где причинение вреда произошло при реализации функций, которые система искусственного интеллекта выработала самостоятельно.

Рассмотрим данную ситуацию на примере управления беспилотным транспортом в ходе, которого была причинена смерть или тяжкие телесные повреждения человеку транспортным средством.

Представляется, что идеальные следы в памяти свидетелей и потерпевших, а также материальные следы, отражающие физическое взаимодействие транспортного средства с потерпевшим, другими вещными объектами позволят установить внешний механизм события, но их исследование не даст информации позволяющее решить вышеуказанную задачу. Показания

подозреваемых (обвиняемых) требуют критического отношения при их оценке. Кроме того, даже правдивые показания данных лиц могут основываться на субъективных ошибочных представлениях о достоинствах и недостатках созданных ими программных продуктах. Видимо наибольший интерес будет представлять изучение виртуальных (цифровых, электронных) следов, отражающих особенности функционирования программ в ходе преступного события и позволяющих установить операции, произведенные искусственным интеллектом вне рамок заданных его разработчиками. Основным средством доказывания будут выступать специальные знания в форме экспертного исследования компьютерной информации и техники. Это потребует создания специфического инструментария в данной отрасли судебной экспертизы. В настоящее время предметом исследования является главным образом установление функций программ, созданных разработчиками или изменение этих функций в результате воздействия программ, написанных иными лицами, например, создателями вредоносных программ. Установление появления в программе новых функций, созданных такой программой самостоятельно, является новой задачей, стоящей перед экспертизой компьютерной информации и техники.

В связи с решающим значением, которое приобретает экспертные исследования для установления причинно-следственной связи между наступлением вредных последствий и соответствующими действиями (бездействиями) искусственного интеллекта возникает опасность сведения процесса доказывания к выводам эксперта [9, с. 33]. Это требует разработки комплексной методики доказывания и определения в ней места и роли экспертных исследований.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
2. Собрание законодательства РФ, 27.04.2020, N 17, ст. 2701.
3. PACE Recommendation 2102 (2017). Technological convergence, artificial intelligence and human rights. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=23726&lang=en>.
4. European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment (Strasbourg, 3 - 4 December 2018). URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c>.
5. Например: определение Восьмого Кассационного суда общей юрисдикции от 26.06.2020 г. № 88-6364/2020 по делу № 42MS0092-01-2019-001235-96; постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 07.10.2020 г. по делу № А33-5345/2020.
6. Ищенко, Е.П., Топорков, А.А. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010.

7. Аршинский, Л.В., Жигалов, Н.Ю., Мункожаргалов, Ц.Б. Проблемы применения информационного и логико-математического моделирования в судебной экспертизе и криминалистике // Российский следователь. - 2013. - № 3. - С. 6 - 10.

8. Сушина, Т.Е., Собенин, А.А. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. - 2020. - № 6. - С. 21 - 25.

9. Лаптев, В.А. Ответственность «будущего»: правовое существо и вопрос оценки доказательств // Гражданское право. - 2017. - № 3. - С. 32 - 35.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ

Г.М. Третьяков

*доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики*

*УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»,
кандидат юридических наук, доцент*

Информационная сфера приобретает ключевое значение и оказывает значительное влияние на современное общество, государство, на происходящие экономические и социальные процессы.

Активное распространение информационных технологий во всех сферах обуславливает срез определенных проблем. В том числе данные проблемы стоят перед правоохранительными органами и связаны с противодействием правонарушениям в рассматриваемой сфере. Преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, сегодня прочно зарекомендовали себя как явление международного масштаба, носят ярко выраженный транснациональный характер.

В Республике Беларусь за последние годы отмечается существенный рост количества преступлений в сфере высоких технологий. Так, за 2019 год было зарегистрировано 10 567 преступлений в сфере высоких технологий. Рост по сравнению с 2018 годом составил 121,6% (4769 преступлений в 2018 году). В 2018 по сравнению с 2017 годом количество выявленных преступлений также возросло на 53%. Вместе с тем увеличивается и удельный вес преступлений данной категории от общего количества регистрируемых в стране преступлений (в 2015 г. – 2,5%, 2016 г. – 2,7%, 2017 г. – 3,6%, 2018 г. – 5,7%).

Подавляющее число преступлений (2019 год – 76,4%; 2018 год – 75,6%), выявленных в сфере высоких технологий, относятся к хищениям путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК Республики Беларусь). Число таких преступлений, относящихся к категориям особо тяжких и тяжких, увеличилось в 2019 году в 3 раза (с 44 до 130).